

ИНСТИТУТ РЕАБИЛИТАЦИИ НУЖДАЕТСЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Действующее российское законодательство конструируется таким образом, что во всех отраслях законодатель стремится реализовывать провозглашенное в ст. 2 Конституции РФ правило, согласно которому «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Наряду с этим ст. 52 и 53 Конституции РФ, гарантируя потерпевшим от злоупотреблений властью право на доступ к правосудию, закрепляют за ними право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти и должностных лиц. Одним из проявлений этих положений является существование института реабилитации.

Отказ от существовавших ранее взглядов на уголовный процесс как на инструмент борьбы с преступностью привел к законодательному закреплению в качестве назначения уголовного судопроизводства приоритета прав и законных интересов личности. При этом ч. 2 ст. 6 УПК РФ гласит, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Таким образом, реабилитация невиновных фактически возведена в ранг одной из целей современного российского уголовного процесса.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет реабилитацию как «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» (п. 34 ст. 5 УПК РФ). Этот порядок существует применительно к случаям, когда в отношении лица, привлеченного к уголовной ответственности, было прекращено уголовное преследование по т. н. «реабилитирующим» основаниям (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления, непричастность лица к со-

* © Иванов В.В., 2012

Иванов Вячеслав Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

вершению преступления), а также для случаев, когда в отношении лица, не являющегося подозреваемым или обвиняемым, незаконно применялись меры уголовно-процессуального принуждения. Именно для описанных ситуаций закон устанавливает процедуру восстановления в правах, закрепляя за указанными лицами право на реабилитацию.

В чем же состоит право на реабилитацию? Согласно ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом причиненный гражданину в результате уголовного преследования вред возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Таким образом, восстанавливаемые субъективные права реабилитированного лица можно разделить на имущественные и неимущественные.

К имущественным правам законодатель (ст. 135 УПК РФ) относит право на возмещение:

- 1) заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования;
- 2) конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества;
- 3) штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда;
- 4) сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи;
- 5) иных расходов.

Среди подлежащих восстановлению неимущественных прав можно выделить:

1) предоставление прежней работы (должности), а при невозможности этого (ликвидация предприятия, учреждения, организации, сокращение должности, а также наличие иных предусмотренных законом оснований, препятствующих восстановлению на работе (должности)) – другой равноценной работы (должности). При этом запись в трудовой книжке об освобождении лица от должности в связи с осуждением или привлечением к уголовной ответственности признается недействительной, а гражданину по его просьбе выдается дубликат трудовой книжки без внесения в нее записи, признанной недействительной;

2) зачет, как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности времени содержания под стражей, времени отбывания наказания, а также времени, в течение которого гражданин не работал в связи с отстранением от должности;

- 3) определение размера пенсии на льготных условиях;
- 4) возвращение реабилитированному гражданину ранее занимаемого им жилого помещения, а при невозможности — предоставление ему в установленном порядке вне очереди в том же населенном пункте равноценного благоустроенного жилого помещения;
- 5) опровержение распространенных в средствах массовой информации сведений, порочащих честь и достоинство лица¹.

Это далеко не полный перечень неимущественных прав реабилитированных лиц, которые подлежат восстановлению.

Весьма полемичным остается вопрос об отраслевой принадлежности отношений по возмещению вреда реабилитированным лицам и норм, их регулирующих. Существующие в литературе точки зрения можно разделить на три группы: 1 — нормы имеют гражданско-правовую природу; 2 — нормы о порядке возмещения вреда имеют уголовно-процессуальную природу; 3 — нормы о реабилитации носят комплексный характер, поскольку вред причиняется в уголовном процессе, а возмещается по правилам различных отраслей права². Думается, что последняя точка зрения, очевидно, отражает межотраслевой характер института реабилитации. В подтверждение этого можно указать на особенности законодательно-го регулирования данных вопросов.

Впервые нормы о порядке реализации права на реабилитацию были закреплены в Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР от 18 мая 1981 г., который формально сохраняет свою силу до настоящего времени. Позднее, в 1996 г., вступила в силу ч. 2 Гражданского кодекса РФ, в которой повторялась содержащаяся в ст. 53 Конституции РФ общая норма о возмещении вреда, причиненного государственными органами (ст. 1069 ГК РФ), а также закреплялась специальная норма об особенностях возмещения вреда, причиненного органами уголовного преследования и судом в связи с производством по уголовному делу (ст. 1070 ГК РФ). Ратифицированная Россией в 1998 г. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 3 Протокола № 7) закрепляет правило: «если какое-либо лицо окончательным приговором было признано виновным в совершении уголовного преступления и если впоследствии вынесенный приговор был пересмотрен или оно было помиловано на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство убедительно доказывает наличие судебной ошибки, то лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону или практике соответствующего государства, если только не будет доказано, что в необнаружении этого обстоятельства полнос-

тью или частично виновно оно само». В 2001 г. принят УПК РФ, и в нем впервые была закреплена гл. 18, которая так и называется – «Реабилитация» и определяет как круг лиц, имеющих право на реабилитацию, так и порядок осуществления этого права и восстановления в прежних правах.

С сожалением следует констатировать, что правоприменительной практике известны случаи незаконного и необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности и применения к ним мер уголовно-процессуального принуждения. При этом меры уголовно-процессуального принуждения могут быть весьма суровыми (например, заключение под стражу) и применяться на протяжении длительного времени. Максимальный срок содержания обвиняемого в совершении особо тяжкого преступления под стражей только на стадии предварительного расследования может продлиться до 18 месяцев, что само по себе немало, а на стадии судебного разбирательства данный срок практически ничем не ограничен; применение некоторых мер принуждения вообще не ограничено никакими сроками, например: избрание меры пресечения в виде подписки о невыезде или в виде залога, наложение ареста на имущество и т. д. Столь серьезные и длительные правоограничения неизбежно порождают массу неприятных для человека последствий. Государство вырывает гражданина из привычного круга социальных связей, помимо его собственной воли прекращает многие обязательства и правоотношения. Но нередки случаи, когда лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, претерпев массу правоограничений и лишений, не стремится реализовывать право на реабилитацию, не обращается ни в какие официальные организации, а пытается поскорее забыть случившееся с ним и не ввязываться в новые тяжбы и разбирательства. Это вполне объяснимо. Кроме того, далеко не всегда граждане правильно толкуют закон, и не каждое обращение за реабилитацией является обоснованным и влечет восстановление в правах. Изложенное подтверждается и статистическими данными. В 2008 г. в органы прокуратуры Самарской области обратилось 40 граждан по вопросам реабилитации и восстановлению прав, нарушенных в связи с привлечением к уголовной ответственности; четырнадцать заявлений из сорока были признаны обоснованными. В 2009 г. в органы прокуратуры Самарской области по тем же основаниям обратилось 52 гражданина, 27 заявлений из которых были признаны обоснованными.

Однако обращение в прокуратуру не влечет автоматического восстановления в правах. Закон возлагает на прокурора обязан-

ность принести извинения реабилитированному. Но извинения не восстанавливают утраченные субъективные права реабилитированного лица. А восстановление прав осуществляется в рамках существующих процедур — путем обращения лица в суд с соответствующим заявлением, т. к. восстановление целого комплекса нарушенных прав относится к исключительной компетенции суда. И весьма своеобразную позицию в данном вопросе занимает законодатель — фактически он закрепляет две самостоятельные судебные процедуры, которые надлежит пройти реабилитированному в целях полного восстановления своих прав.

Каков же порядок возмещения вреда реабилитированным лицам? Законодатель в ст. 135 и 138 УПК РФ закрепляет правило, согласно которому лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям (независимо от того, на какой стадии процесса принято данное решение — в ходе предварительного расследования либо в судебном заседании суда первой, второй, надзорной инстанции), а равно оправданный могут обратиться с заявлением о возмещении причиненного вреда и восстановлении имущественных и неимущественных прав в порядке ст. 399 УПК РФ, т. е. в рамках процедуры, специально предусмотренной для разрешения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора. Однако требование о компенсации морального вреда, причиненного в результате применения мер уголовно-процессуального принуждения, может быть заявлено только в рамках гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 136 УПК РФ). Таким образом, законодатель фактически обрекает реабилитированного, желающего полного восстановления нарушенных прав и получения компенсации, на необходимость прохождения двух процедур — уголовно-процессуальной (для возмещения имущественного вреда и восстановления личных неимущественных прав) и гражданско-процессуальной (для компенсации морального вреда).

Правоприменительная практика строится в строгом соответствии с указанными положениями закона. Так, М. был привлечен к уголовной ответственности, и ему предъявлено обвинение в совершении умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах. В отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, действие которой неоднократно продлялось. В общей сложности М. провел в следственном изоляторе более 8 месяцев, после чего мера пресечения была изменена на подписку о невыезде (которая действовала около месяца), а позднее уго-

ловное преследование в отношении М. органами предварительного расследования было прекращено ввиду его непричастности к совершению преступления, и все правоограничения были отменены. М. обратился с иском в Автозаводский районный суд г. Тольятти Самарской области (по месту предварительного расследования и принятия решения о прекращении уголовного преследования), в котором просил взыскать в качестве компенсации морального вреда 800 тысяч рублей, а также суммы, выплаченные им защитнику в связи с участием последнего в уголовном деле, т. е. процессуальные издержки. Суд рассмотрел иски М. и 30 июня 2010 г. вынес решение, в котором удовлетворил их частично. А именно: в качестве компенсации физических и нравственных страданий, причиненных в результате нахождения М. в условиях изоляции от общества на протяжении более 8 месяцев, в условиях ограничения свободы передвижения около 1 месяца (период действия меры пресечения в виде подписки о невыезде), а также за переживания, возникшие в связи с незаконным обвинением в совершении особо тяжкого преступления, было постановлено взыскать сумму в размере 100 тысяч рублей. В удовлетворении остальных требований (возмещение процессуальных издержек в виде оплаты услуг защитника в процессе производства по уголовному делу) было отказано, т. к. они должны разрешаться тем же судом, но в рамках процедуры, предусмотренной для рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, т. е. в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ.

Насколько справедливо такое положение вещей? Гражданское законодательство (п. 1. ст. 1070 ГК РФ), закрепляет правило, согласно которому «вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде... возмещается за счет казны... в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом». Именно таким законом и является Уголовно-процессуальный кодекс РФ. При этом сам УПК России, гарантируя право на возмещение не только имущественного, но и морального вреда, фактически обязывает человека дважды обращаться в суды: за возмещением имущественного вреда и восстановлением неимущественных прав — в порядке уголовного судопроизводства, а за компенсацией морального вреда — в порядке гражданского судопроизводства. В литера-

туре неоднократно обращалось внимание на недопустимость создания ситуаций, в которых реабилитированный вынужден «обитать пороги» казенных учреждений в целях восстановления справедливости, а также нести бремя доказывания и вносить государственную пошлину³. Однако приведенный пример наглядно свидетельствует о том, что правоприменительная практика основана на законе и в настоящее время реабилитированный вынужден добиваться восстановления в правах в двух самостоятельных судебных процессах.

Для сравнения можно обратиться к нормам, регулирующим участие потерпевшего в уголовном процессе. Закон устанавливает, что потерпевший может требовать возмещения причиненного ему преступлением вреда (физического, имущественного, морального) и заявить гражданский иск в уголовном деле (ст. 42, 44 УПК РФ). По общему правилу суд в приговоре обязан разрешить не только ключевой вопрос уголовного дела – вопрос о виновности лица в совершении преступления, но и заявленные по делу иски. Такие требования потерпевшего, гражданского истца (ст. 299, 309 УПК РФ). Такой порядок обеспечивает потерпевшему, т. е. лицу, чьи права были нарушены преступлением, максимально полное и быстрое восстановление социальной справедливости и возмещение причиненного преступлением вреда.

Реабилитированный, так же как и потерпевший, помимо своей воли вовлекается в орбиту уголовно-процессуальных отношений, претерпевает различного рода правоограничения, подчас весьма серьезные и длительные, но, как говорилось выше, далеко не всегда обращается с требованием о возмещении причиненного вреда, а если таковое требование поступает, то в строгом соответствии с законом он должен пройти еще 2 судебных процесса.

В связи с изложенным представляется бесспорной необходимость унификации процедуры по возмещению всех видов вреда реабилитированному и недопустимость дробления этих вопросов на несколько самостоятельных судебных разбирательств, ибо если нарушение прав носило комплексный характер, то и их восстановление должно осуществляться комплексно. При этом выделение рассмотрения вопроса о компенсации причиненного морального вреда в отдельную судебную процедуру представляется надуманным, т. к. вопрос о компенсации морального вреда потерпевшим от преступлений разрешается судами в рамках уголовного дела, данная практика сформировалась и является устоявшейся.

В рамках какой же процедуры должны разрешаться вопросы о возмещении вреда реабилитированным? Сегодня законодатель

исходит из того, что подавляющее большинство требований подлежит рассмотрению и разрешению по правилам ст. 399 УПК РФ, т. е. в рамках процедуры, закрепляющей порядок разрешения судами вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора. К числу таковых вопросов прежде всего можно отнести рассмотрение судами ходатайств об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об изменении вида исправительного учреждения, отмене условного осуждения, разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, и др. Перечень вопросов весьма широк, но их подавляющее большинство неразрывно связано с отбытием наказания. Особняком в этом перечне стоят вопросы о возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, жилищных, пенсионных и иных прав. Разрешение данных вопросов в рамках стадии исполнения приговора представляется логичным и обоснованным, т. к. государство, взяв на себя обязанность возместить вред, причиненный в результате вовлечения человека в уголовное судопроизводство, реализует свою обязанность по возмещению и разрешает данный вопрос в рамках этого же производства. Таким образом, в современной практике гражданско-правовой институт (субъективные имущественные и неимущественные права, а именно их восстановление) по специальному указанию закона рассматривается в рамках уголовно-процессуального производства. При таких обстоятельствах возможно внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ путем указания на необходимость разрешения требований о компенсации морального вреда в порядке ст. 399 УПК РФ, а не в порядке гражданского судопроизводства.

В то же время подлежащие возмещению и восстановлению права реабилитированного весьма специфичны, и разрешение данных вопросов вполне уместно в рамках гражданского судопроизводства, т. к. фактически речь идет о восстановлении имущественных и личных неимущественных прав, которые образуют предмет гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК РФ). И споры о возмещении имущественного вреда, и споры о восстановлении на работе, о восстановлении жилищных, пенсионных прав, по общему правилу, рассматриваются и разрешаются именно в рамках гражданского судопроизводства.

При этом, согласно п. 10 ч. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ, лица, обращающиеся в суд с исками о возмещении имущественного и неимущественного вреда, причиненного в результате уголовного преследования, освобождаются от уплаты государствен-

ной пошлины. Современной правоприменительной практике известно немало случаев рассмотрения в рамках одного производства споров, в которых объединены требования о возмещении имущественного вреда и о восстановлении/компенсации неимущественных прав, в т. ч. нарушенных в результате действий государственных органов и их должностных лиц. И если в подобном споре государство олицетворяет налоговая инспекция, служба судебных приставов или иной орган власти, не являющийся органом уголовного преследования, то не вызывает никаких вопросов и сомнений рассмотрение спора в порядке гражданского судопроизводства. Более того, никаких альтернатив в этой ситуации не возникает.

Поэтому рассмотрение заявлений реабилитированных о возмещении причиненного им материального и нематериального вреда, защите и восстановлении их имущественных и неимущественных прав, т. е. вопросов, образующих предмет гражданско-правового регулирования, можно считать частным случаем проявления гражданских правоотношений с участием публичного элемента, подлежащих разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Примечания

¹ См.: ст. 138 УПК РФ, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» вместе с «Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М.: Велби, 2004. Ч. 1. С. 208–209; Татьянин Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 44.

³ См., напр.: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин. М.: Велби, Проспект, 2004. С. 219; Его же. Настольная книга судьи по уголовному процессу. М.: Проспект, 2007. С. 170.